Архивъ крѣпости св. Елисаветы.

Въ 1876 году елисаветградская городская дума сдѣлала постановленіе: передать кіевскому университету дѣла запорожскаго архива, хранящіяся въ архивѣ думы.

Пересланные въ Кіевъ документы оказались, однако, не запорожскимъ архивомъ, а остатками архива крѣпости св. Елисаветы (нынѣшняго Елисаветграда).

Въ 1886 году я получилъ возможность ознакомиться съ этимъ архивомъ[1]) и нынѣ позволяю себѣ остановить на немъ вниманіе Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Архивъ помѣщается въ университетской библіотекѣ и заключаетъ 24 папки и въ нихъ 433 связки дѣлъ. Дѣла эти обнимаютъ время съ 1753 по 1821 годъ, при чемъ собственно крѣпостной архивъ ограничивается годами 1753—1784 и занимаетъ 15 папокъ и въ нихъ 286 связокъ; остальныя же 9 папокъ (147 связокъ) составляютъ посторонній придатокъ, такъ какъ въ періодъ 1784—1821 г. крѣпость была уже заштатною, и дѣла этихъ годовъ представляютъ архивъ конно-егерскаго корпуса, расквартированнаго въ здѣшнихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, для исторіи края имѣетъ нѣкоторое значеніе только первая часть архива. Въ ней находимъ дѣла канцелярій комендантской, гарнизонной, провинціальной и канцеляріи слободскаго козачьяго полка.

Къ сожалѣнію, дѣла архива оказываются не полными и по этой причинѣ почти ни одного дѣла нельзя прослѣдить отъ начала до конца. Не говоримъ уже о томъ, что многіе листы попрѣли и разрушились, особенно по краямъ. Немногія тетради остаются

---

[1]) Считаю пріятнымъ долгомъ принести здѣсь свою искреннѣйшую благодарность И. Г. Савенкѣ, помощнику библіотекаря университетской библіотеки, поспособствовавшему мнѣ въ этомъ.

сшитыми и надписанными непосредственно вслѣдъ за окончаніемъ дѣлъ; остальныя расшиты и разрознены, а всѣ вообще подобраны, надписаны и занумерованы позднѣе, — судя по почерку — не ранѣе 40-хъ или 30-хъ годовъ текущаго столѣтія, рукою не опытною, — всего вѣроятнѣе — рукою городскаго архиваріуса тѣхъ годовъ. При этой операціи, въ ближайшее сосѣдство и подъ одну надпись, случайно бросившуюся въ глаза, попали дѣла самыя разнокалиберныя. Исключеніе составляетъ одно дѣло (1754—55 г.) о сношеніяхъ съ татарами, видно, давно уже внимательно подобранное и переплетенное.

Ниже, въ приложеніи, передаемъ дословно несколько документовъ архива, представляющихъ наиболѣе интереса для исторіи новороссійскаго края. Теперь же считаемъ нужнымъ представить общее обозрѣніе содержанія архива.

Большинство (28 номеровъ) печатаемыхъ ниже матеріаловъ имѣетъ отношеніе къ исторіи колонизаціи херсонскихъ степей. Дѣла эти распадаются на двѣ серіи: къ первой принадлежатъ дѣла, обрисовывающія порубежныя отношенія русскихъ колонистовъ къ полякамъ и къ запорожцамъ, — другая серія характеризуетъ взаимныя отношенія колонистовъ разныхъ категорій, преимущественно— новосербцевъ и слобожанъ. Сверхъ того, въ нихъ находимъ нѣкоторыя частныя указанія, а именно о времени и обстоятельствахъ основанія нѣсколькихъ поселеній нынѣшней Новороссіи, какъ то: Домотками, Орла (нынѣшняго Ольвіополя), Тишковки и Плетенаго Ташлыка (№№ 1, 4, 5 и 6); объ условіяхъ найма сѣнокоса и пашни (№№ 9, 13 и 14); объ отношеніи мѣстныхъ жителей къ гайдамачеству (№№ 6 и 11). Затѣмъ, одно дѣло (№ 17) касается поземельныхъ отношеній лицъ начальствующихъ и простыхъ хуторянъ; одно (№ 16) знакомитъ съ частными отношеніями, на оффиціальной, однако, подкладкѣ, между комендантомъ крѣпости св. Елисаветы и подчиненными ему сотниками слободскаго казачьяго полка. № 26 — допросъ пяти гайдамакъ, причастныхъ каліивщинѣ, — хотя и не заключаетъ важныхъ подробностей о названномъ событіи, такъ какъ допрошенныя лица были прикосновенны къ нему мало и не долго, — мы не считали себя въ правѣ опустить по той причинѣ, что такихъ допросовъ доселѣ почти совсѣмъ не было опубликовано, и въ крѣпостномъ архивѣ сохранилось всего одно только такое дѣло.

Переходимъ къ дѣламъ, которыхъ читатель не найдетъ въ приложеніи къ настоящимъ строкамъ. Есть въ архивѣ часть дѣла о выборѣ депутатовъ въ екатерининскую

коммиссію для составленія уложенія. По своей неполнотѣ, она имѣетъ ограниченный интересъ. Въ ней уцѣлѣли слѣдующіе документы: 1) рапортъ предводителя избирательнаго собранія офицеровъ чорнаго гусарскаго полка секундъ майора Степана Пищевича и. д. коменданта Н. И. Глѣбову 22 марта 1767 года: 22 марта, по отправленіи богослуженія, избиратели собрались въ назначенномъ для того помѣщеніи, въ шанцѣ Новомиргородскомъ, и большинствомъ шаровъ избрали депутатомъ секундъ майора Григорія Булацеля; предводитель обѣщаетъ поспѣшить доставленіемъ «пунктовъ», т. е. депутатскаго наказа, и опредѣленіемъ срока для выѣзда депутата въ Москву; 2) списокъ избирателей — офицеровъ чорнаго гусарскаго полка съ указаніемъ числа шаровъ, полученныхъ каждымъ на выборахъ; 3) рапортъ безъ подписи 19 мая 1767 г. о выборѣ депутатомъ отъ новомиргородскаго купечества Михаила Белезлія; 4) рапортъ ротмистра Василія Сазонова 13 мая того же года о томъ, что избранный депутатомъ отъ поселянъ елисаветградской провинціи Семенъ Морозъ отправленъ въ Кременчугъ для слѣдованія въ Москву; 5) рапортъ ротмистра Якова Дика 14 мая объ отправленіи туда же депутата отъ нижнихъ чиновъ пикинернаго полка пикинера Максима Моренца; 6) ордеръ полковнику Чорбо 10 мая о высылкѣ въ крѣпость депутата отъ нижнихъ чиновъ чорнаго и жолтаго гусарскихъ полковъ заступающаго вахмистра Ивана Анастасьева.

Укажу еще на слѣдующія дѣла, остановившія мое вниманіе: 1) упомянутое выше дѣло о сношеніяхъ съ татарами (1754—55 г.): оно заключаетъ переписку коменданта А. И. Глѣбова съ буджакскимъ сераскиромъ Девлетъ Гиреемъ султаномъ, шифрованныя письма Обрѣзкова о дипломатическихъ затрудненіяхъ, вызванныхъ построеніемъ крѣпости св. Елисаветы, донесенія разныхъ лицъ, между прочимъ, — купцовъ, посѣщавшихъ Крымъ, о настроеніи татаръ, о слухахъ, почерпнутыхъ тамъ и пр.; 2) «дѣло о монахахъ медвѣдовскаго монастыря, селящихся не подалеку отъ шанца Вершацъ» (1765 г.): споръ о нарушеніи границъ поляками; 3) объ отправленіи правительственной коммиссіи для описанія запорожскихъ земель (1762 г.); 4) о мѣрахъ предосторожности отъ моровой язвы со стороны запорожскихъ земель (1760); 5) прошеніе козака Ивана Письменнаго, живущаго при крѣпости св. Елисаветы о возвращеніи изъ Сѣчи бѣжавшаго туда сына его и съ нимъ какого то Кости Игнатенка, за коего проситель поручился въ уплатѣ долга (1760 г.); 6) два допроса гайдамаки Данила Бандурки (1761 г.); 7) извѣстіе изъ елисаветградской провинціальной въ комендантскую канцелярію 27 іюня 1772 г.

о запрещеніи драть лыко на лапти; 8) тоже, — 17 октября 1773 г. о рожденіи въ слободѣ Бешкинскихъ Вершинахъ урода и о погребеніи его, въ противность указа императора Петра I 13 февраля 1718 г.[1]); 9) о мѣрахъ предосторожности противъ чумы, появившейся въ Мурзинкѣ и въ Никитиномъ Перевозѣ (1773).

Укажемъ, наконецъ, на группы дѣлъ, находящихся въ архивѣ въ значительномъ числѣ, но представляющихъ менѣе научнаго интереса, чѣмъ предъидущія. Въ архивѣ сохранились: 1) рапорты сотниковъ новокозячьяго полка о наблюденіи за дѣйствіями гайдамакъ: почти всѣ они и почти всегда доносятъ, что все обстоитъ благополучно; нѣкоторое оживленіе въ этомъ дѣлѣ замѣчается въ 1758 году: въ документахъ этого года упоминается коммиссія по гайдамацкимъ дѣламъ, слободская канцелярія въ своихъ ордерахъ сотникамъ разныхъ слободъ объявляетъ запрещеніе покупать у гайдамакъ награбленныя ими вещи и давать имъ пристанище, «дабы отъ сосѣднихъ сторонъ на слободскихъ обывателей жалобъ не происходило»; 2) переписка объ обывателяхъ, отправляющихся въ Польшу или проживающихъ въ Новой Сербіи безъ паспортовъ; 3) указы провіантской коммиссіи; 4) распоряженія по форпостной службѣ; 5 дѣла о побѣгахъ воинскихъ чиновъ; 6) о розыскѣ украденныхъ лошадей; 7) журналы получаемымъ ордерамъ.

Этимъ заканчиваемъ общее обозрѣніе архива. Посмотримъ теперь поближе, какого рода данныя заключаются въ печатаемыхъ ниже матеріалахъ по вопросамъ исторіи колонизаціи херсонскихъ степей.

Извѣстно, что австрійскіе сербы, вызванные на югъ Россіи при императрицѣ Елисаветѣ, нашли на земляхъ, отведенныхъ имъ правительствомъ, малороссійскихъ бѣглецовъ и раскольниковъ, которые поселились здѣсь раньше. Съ водвореніемъ сербовъ, это прежнее населеніе нынѣшнихъ уѣздовъ александрійскаго и елисаветградскаго было передвинуто далѣе къ югу, за черту Новой Сербіи и послужило основаніемъ для вновь учрежденнаго ново-козачьяго слободскаго полка, которое потомъ укомплектовывалось вновь прибывающими изъ за польскаго рубежа переселенцами.

Изъ нашихъ документовъ видно, что иниціатива новаго поселенія принималась на

---

[1]) №№ 6, 7 и 8 напечатаны мною въ журналѣ «Кіевская Старина» 1886 г., въ августовской и октябрской книжкахъ,—первый—въ полномъ видѣ, послѣдніе два—въ сокращеніи.

себя однимъ какимъ нибудь лицомъ, «осадчикомъ»—иногда изъ прежнихъ жителей Новой Сербіи (№ 6), иногда польскимъ переселенцемъ (№ 5), иногда, наконецъ, — лицомъ военно-служащимъ, офицеромъ (№ 4). Такой предприниматель или переселялъ, вмѣстѣ съ собою, прежнихъ жителей Новой Сербіи, или вызывалъ крестьянъ изъ Польши (№№ 6 и 4). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вызываемые переселенцы ставили опредѣленныя условія для перехода; такъ, осадчикъ слободы Орла ходатайствовалъ объ отпускѣ имъ, въ видѣ займа, хлѣба изъ казенныхъ магазиновъ (№ 4). На первыхъ порахъ, не съумѣвъ приспособиться къ новымъ условіямъ жизни, новосельцы бѣгали обратно за польскій рубежъ; интересный примѣръ тому находимъ на жителяхъ сл. Новоархангельска, которые уходили обратно, потому что не нашли здѣсь древеснаго топлива (№ 20). Осадчики слободъ обыкновенно назначались сотниками, что служило стимуломъ для дальнѣйшей предпріимчивости на этомъ поприщѣ (№№ 5 и 6). Кромѣ слободъ, находимъ въ слободскомъ казачьемъ полку и хутора (№№ 17 и 20).

Конкуррентами и соперниками въ дѣлѣ колонизаціи являлись для насъ поляки: для нихъ, столько-же, какъ и для насъ оно было жизненнымъ вопросомъ. Съ исчезновеніемъ козачества на правомъ берегу Днѣстра, почти вся нынѣшняя кіевская губернія перешла къ Польшѣ въ значительномъ запустѣніи. Разъискавъ старые и исходатайствовавъ новые документы на владѣнія въ степной украйнѣ, шляхтичи, для того чтобы извлекать пользу изъ новыхъ мѣстностей, прежде всего должны были озаботиться привлеченіемъ къ себѣ крестьянъ изъ гуще населенныхъ мѣстъ; съ этою цѣлью они давали переселенцамъ большіе сроки для слободъ, или льготъ, низводившихъ до ничтожнаго минимума повинности крестьянъ за землю. Сами паны не рѣдко занимались «выкачиваніемъ», т. е. переманиваніемъ крестьянъ, отправляясь для этого въ Волынь и Полѣсье, гдѣ населеніе было гуще и повинности крестьянъ тяжелѣ. Въ иныхъ случаяхъ, они поручали это дѣло подрядчикамъ, по тогдашнему выраженію—«выкотцамъ», которые, подговоривъ крестьянъ, давали и средства къ побѣгу, являясь для того въ условленное мѣсто и въ опредѣленное время, т. е. ночью, съ своими подводами. Владѣлецъ или экономъ вооружали слугъ и надворныхъ козаковъ и пускались въ погоню за бѣглецами; если нагоняли, то не щадили мѣръ наказанія, на что владѣлецъ имѣлъ законное право, сосредоточивая въ себѣ власть судебную и полицейскую надъ крестьянами; если-же бѣглецамъ удавалось избѣжать погони, то прежній владѣлецъ дѣлалъ наѣздъ на то имѣнье,

гдѣ они скрывались, причемъ иногда уводилъ и чужихъ людей. Не трудно понять, что мѣры строгости мало удерживали крестьянъ, такъ какъ сами же паны, переманивая чужихъ крестьянъ, развивали въ этомъ классѣ вкусъ и поддерживали привычку къ перекочевкамъ. А пока продолжалось это броженіе, пока населенія было еще мало, т. е. въ теченіе всей первой половины прошлаго столѣтія, владѣльцы, по необходимости, удерживали слободы, т. е. льготныя условія. Такъ, еще въ 60-хъ годахъ крестьяне нѣкоторыхъ южныхъ староствъ кіевщины не отбывали вовсе барщины, и повинности ихъ не превышали стоимости 60 рабочихъ дней въ годъ. Наичаще всего крестьянскіе побѣги направлялись какъ разъ въ ближайшее сосѣдство съ русскими степями, именно въ южныя части кіевскаго и брацлавскаго воеводствъ, которыя населены были рѣже и заселены позднѣе другихъ польскихъ областей. Въ серединѣ XVIII столѣтія большинство перешедшихъ къ полякамъ земель успѣло уже вообще достаточно заселиться, почти повсюду истекали сроки слободъ, и владѣльцами дѣлались попытки, въ замѣнъ послѣднихъ, ввести обязательныя и болѣе прибыльныя для нихъ повинности со стороны крестьянъ [1]). Въ это самое время присоединеніе части Дикаго Поля къ Россіи открыло послѣднимъ новый соблазнъ для переселенія. Пріобрѣтенная нами по договору съ турками 1740 года часть херсонскихъ степей врѣзывалась клиномъ между владѣніями Польши и Турціи. Здѣсь, за рубежемъ, власть шляхты находила предѣлъ, а бѣглые получали возможность укрыться подъ охраной русскаго населенія и правительства въ молодомъ краѣ, сильно нуждавшемся въ людяхъ.

Заселеніе сѣверныхъ частей нынѣшней херсонской губерніи возвращавшимися изъ Польши русскими крестьянами началось еще во время турецкой войны 1736—39 гг. и особенно усилилось послѣ договора 1740 года, формально закрѣпившаго за нами Дикое Поле. Поселенія эти подчинены были вѣдѣнію миргородскаго полка, но сильно нуждались въ военной охранѣ для защиты отъ поляковъ, которые всѣми мѣрами мѣшали русской колонизаціи [2]). Съ начала 50-хъ годовъ правительство беретъ на себя иниціативу въ дѣлѣ заселенія Новороссіи: здѣсь поселяются гусарскій и пандурскій полки, основываются крѣ-

---

[1]) Антоновичъ, Изслѣд. о крестьянахъ въ юго-западн. Россіи. Кіевъ, 1870, стр. 31—36, 52—54.

[2]) Дѣла, касающіяся запорожцевъ, изданныя Андріевскимъ въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., т. XIV, стр. 332—359.

пости и форпосты, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается и наплывъ бѣглыхъ изъ Польши. Указами и манифестами правительство вызывало изъ Польши русскихъ крестьянъ, прежде бѣжавшихъ туда, селило ихъ въ новокозачьемъ слободскомъ полку и на земляхъ новосербскихъ офицеровъ, дозволяя этимъ послѣднимъ и вербовать русскихъ крестьянъ въ Польшѣ. [1])

Изъ соревнованія по дѣлу колонизаціи должны были произойти несогласія и неудовольствія между поляками и нами, несогласія, по сущности вещей, выходившія за предѣлы частныхъ имущественныхъ отношеній между двумя сосѣдними владѣльцами. Но и въ этой борьбѣ съ русской колонизаціей, какъ мы увидимъ, поляки пользовались средствами, обычными въ ихъ домашнихъ сосѣдскихъ отношеніяхъ. Въ борьбѣ этой принимали участіе не одни тѣ паны, на земляхъ которыхъ крестьяне жили до побѣга: соперниками нашими являлись польскіе владѣльцы вообще, ближе къ намъ жившіе, или только еще основывавшіе слободы вблизи нашей границы. Ѣдетъ къ русскому рубежу переселенецъ съ семьей и имуществомъ; но вотъ, не доѣзжая всего какой нибудь версты, встрѣчается съ неизвѣстнымъ шляхтичемъ; тотъ сначала уговариваетъ селится у него, на вновь заводимой слободѣ, а послѣ отказа, отнимаетъ воловъ (№ 22). Въ предупрежденіе побѣговъ и въ помѣху переселенію, владѣльцы въ удобныхъ мѣстахъ ставили отряды надворныхъ козаковъ (№ 23). Въ случаѣ, если побѣгъ удался, они посылали на хутора и слободы, гдѣ находились бѣжавшіе, вооруженные отряды своихъ крестьянъ и козаковъ ночью, съ наряженными спеціально подводами, — гдѣ можно и нужно было — вязали людей, забирали вмѣстѣ съ семьями и имуществомъ, пугали стрѣльбой и исчезали съ ними, но, повидимому, иногда увозили по уговору и согласію (№ 20). Случалось, что насиліемъ увезенные поселяне возвращались обратно въ русскія владѣнія, но бывали случаи, что ихъ находили на пути убитыми (№ 21). Поляки дѣлали заѣзды на русскія поселенія также и съ цѣлями разоренія и грабежа. Сосѣди наши — шляхтичи (въ одномъ случаѣ — польскій лѣсничій) съ вооруженными отрядами, иногда достигав-

---

[1]) Съ 1755 по 1764 г. насчитываютъ 11 указовъ о бѣглыхъ (Команинъ, Изъ ист. международн. отношеній Польши и Россіи. Кіевская старина 1882 г., т. 3, стр. 52, примѣч. 3 е). Къ этому числу слѣдуетъ добавить еще указъ 10 мая 1760 г. (П. С. З. № 11058), дозволявшій новосербскимъ офицерамъ вызывать и вербовать людей для поселенія на своихъ дачахъ, въ замѣнъ жалованья на деньщиковъ.

копѣйку убытку и ни какой обиды, отправить ихъ въ дачи слободскаго поселенія»[1]). Особенно усилилась эта борьба въ послѣднее десятилѣтіе самостоятельнаго существованія Запорожья. Въ это время тамъ рождается мысль: противупоставить слободской колонизаціи свою, устроить, въ качествѣ колонизаціонно-боевыхъ форпостовъ, вдоль всей пограничной линіи, свои слободы для поселенія семейныхъ хозяевъ и ослаблять сосѣдей, привлекая съ ихъ земель переселенцевъ перспективой освобожденія отъ государственныхъ повинностей. Не даромъ гр. Захаръ Чернышевъ высказывался противъ основанія запорожцами слободъ для семейныхъ поселенцевъ, выражая опасеніе, что этимъ они «опустошатъ» какъ Малороссію, такъ и губерніи слободскую и новороссійскую[2]).

На изюмской линіи руководилъ колонизаціей запорожскій полковникъ Гараджа. По его распоряженію, въ мѣстность между Изюмомъ и Торомъ (нынѣшнимъ Славянскомъ) переселяются жители Запорожья и привлекаются выходцы изъ слобожанщины и гетманщины, помѣщичьи и казенные крестьяне. Запорожцы производятъ набѣги на сосѣдей, съ цѣлью мѣшать хозяйственной дѣятельности ихъ; во время этихъ набѣговъ угоняютъ у нихъ рабочій скотъ, ломаютъ и отнимаютъ предметы, необходимые въ земледѣльческомъ хозяйствѣ. [3])

Что касается, въ частности, боевой колонизаціи Запорожья по границѣ съ елисаветградской провинціей, то документальныхъ данныхъ о ней не опубликовано пока. Однако, имѣются указанія о ней у двухъ достовѣрныхъ авторовъ: у петербургскаго академика Гильденштедта, посѣтившаго эту провинцію въ 1774 году, и у мѣстнаго мемуариста А. С. Пишчевича, писавшаго о Новороссіи въ 1806 году, по свѣжей памяти о Запорожьѣ. Гильденштедтъ упоминаетъ о слѣдующихъ поселеніяхъ, основанныхъ запорожцами: о какой-то слободѣ на устьѣ Мигейскаго Ташлыка, о слободѣ Верблюжкѣ, о деревнѣ Петровѣ, о деревнѣ Зеленой, о вновь основанныхъ Зимовникахъ на балкѣ Княжей, о слободѣ Комиссаровкѣ. По его словамъ, поселенія эти частію основаны запорожцами вновь, близь границъ провинціи, частію заняты ими въ предѣлахъ этой послѣдней; тѣ и другія служили для водворенія пикинеровъ, выведенныхъ изъ шанцевъ пикинернаго полка; въ порядкѣ своего маршрута по елисаветград-

---

[1]) Скальковскій, Ист. Новой Сѣчи. Изд. 3-е, часть 2-я. Одесса. 1886, стр. 257.
[2]) Соловьевъ, Ист. Россіи, XXVII, 32.
[3]) А. Шимановъ, Предсмертная поземельная борьба Запорожья. Кіевская Старина, 1883, декабрь.

ской провинціи, Гильденштедтъ упоминаетъ болѣе десяти казенныхъ и владѣльческихъ поселеній—такихъ, жители которыхъ или уведены запорожцами силой, или перешли къ нимъ по доброй волѣ; насчитываетъ свыше 700 семействъ, ушедшихъ отсюда къ запорожцамъ; говоритъ, что запорожцы особенно усилили враждебныя дѣйствія въ 1773—4 годы; они мѣшаютъ пахать землю, выпрягаютъ изъ плуговъ и уводятъ воловъ и угоняютъ стада. [1]) Пишчевичъ называетъ пять запорожскихъ селъ, основанныхъ, по его словамъ, за 8 лѣтъ до уничтоженія Сѣчи: Верблюжка, Петровка, Куцовка, Зеленая, и Жолтая, и говоритъ, что заселялись они женатыми запорожцами, а «умножались» пикинерами, которыхъ запорожцы, являясь вооруженной силою, уводили, подъ видомъ родственниковъ. [2]) Точно такого-же рода свѣдѣнія о набѣгахъ запорожцевъ, ихъ притѣсненіяхъ, угрозахъ и уводъ пикинеровъ, подъ видомъ запорожцевъ, находятся въ сенатскомъ указѣ 5 августа 1773 года. Однако, въ отвѣтѣ на этотъ указъ, запорожцы отрицали справедливость взводимыхъ на нихъ обвиненій и, въ свою очередь, жаловались на то, что земли ихъ заняты елисаветградской провинціей, что командиры ея самовольно захватываютъ ихъ земли, селятъ на нихъ свои слободы и высылаютъ противъ запорожцевъ команды съ пушками. [3]).

Въ нашемъ собраніи только четыре номера имѣютъ отношеніе къ изложенному выше, иллюстрируя отношенія запорожцевъ къ ихъ новымъ сосѣдямъ. Ранній изъ такихъ документовъ относится къ 1762 г. и передаетъ о дѣлѣ, имѣвшемъ мѣсто въ 1759 г. Суть этаго дѣла такова: изъ табуна сл. Аджамки, въ этомъ послѣднемъ году, вдругъ пропало 68 лошадей; потомъ они были выслѣжены, и оказалось что угнаны были запорожцами, которые отказались возвратить ихъ; завязалась переписка между комендантомъ крѣпости св. Елисаветы и кошевымъ, послѣ которой запорожцы отдали 43 лошади, а остальныхъ удержали, требуя уплаты за зимовлю и за «неякуюсь на тѣ лошади утрату»; переписка возгорѣлась снова, и чѣмъ кончилась — не извѣстно (№ 19). №№ 28 и 29 относятся къ 1773 году, когда отношенія обострились до высшей степени и когда запорожцы стали дѣйствовать съ сознательнымъ упорствомъ и настойчивостью.

---

[1]) J. A. Güldenstädt, Reisen durch Russland. SPB. 1791, II J., 164—186.

[2]) Примѣчанія А. Пишчевича на новороссійскій край. Кіевская Старина. 1884 г., январь, 128.

[3]) Шимановъ, Предсмертная борьба и пр. Кіев. Стар., 1883 г., VII, 619—627.

обиды, на которыя, видимо, депутаты этихъ послѣднихъ жаловались сенату; 6) новокозачій полкъ подчиненъ былъ коменданту крѣпости св. Елисаветы и такимъ образомъ вышелъ изъ подъ власти начальника Новой Сербіи, генерала Хорвата.

Восемь документовъ изъ числа предлагаемыхъ нами ниже касаются упоминаемыхъ въ этомъ указѣ недоразумѣній и неудовольствій (№№ 7—10, 12—15). Всѣ они относятся къ 1760 году, значитъ, почти одновременны съ ходатайствомъ депутатовъ Устимовича и Работы и съ сенатскимъ указомъ, вызваннымъ заявленіями ихъ. Изъ нашихъ документовъ можно видѣть, что недоразумѣнія между слобожанами и новосербцами большею частію возникали на поземельно-хозяйственной почвѣ и вызывались съ одной стороны неудовлетворительностью положенія слободскихъ козаковъ, ставившею ихъ въ зависимость отъ новосербцевъ, — а отчасти неудобствами, которыя испытывали эти послѣдніе по недостатку рабочихъ рукъ въ Новой Сербіи и по неумѣнью обходиться собственными средствами. Замѣчательно, что слобожане всегда занимаютъ оборонительное, а новосербцы — наступательное положеніе, что первые не покидаютъ почвы законности, а вторые, напротивъ, часто допускаютъ себѣ насиліе, вѣроятно потому, что чувствуютъ за собою властную руку Хорвата.

Обращаясь къ частностямъ, прежде всего замѣтимъ, что документы подтверждаютъ намеки указа 1761 года о стѣсненномъ положеніи слободскихъ козаковъ въ земельныхъ и лѣсныхъ угодьяхъ. Слобожане снимаютъ у новосербцевъ сѣнокосы (съ третьей копы), пашни и пастбища (№№ 9, 12, 13 и 15); сотникъ слоб. Тройницкой писалъ, что жители ея «довольствія какъ въ ораньѣ на хлѣбъ земли, такъ сѣнокосу и для пастьбы скота ни мало не имѣютъ» (№ 9). За древеснымъ матеріаломъ они ѣздятъ въ Черный лѣсъ, согласно сенатскаго опредѣленія 18 апрѣля 1760 г. (№№ 7 и 10). При внимательномъ чтеніи предлагаемыхъ актовъ, можно убѣдиться, что этотъ недостатокъ въ хозяйственныхъ угодьяхъ имѣлъ характеръ общій, и что такого рода отношенія между слобожанами и новосербцами начались гораздо ранѣе этаго года. Такъ, сотникъ сл. Тройницкой, въ своемъ рапортѣ указавъ на крайній недостатокъ въ землѣ пашенной, выгонной и луговой, говоритъ: «а довольствуются они (жители слободы) *ежегодно* по крайней своей нуждѣ *съ начала (при)бытія моего* въ означенную слободу въ новосербскихъ дачахъ» (№ 9). Въ одномъ только документѣ (№ 8) говорится о столкновеніи на землѣ, отведенной изъ дачъ слободскаго полка подъ гарнизонъ гусарскаго полка: двое

жителей сл. Тишковки (Ольшанки тожь). «дабы за оскуденіемъ корму своего скота къ падежу не допустить», поѣхали за сѣномъ, которое накошено было ими на участкѣ, отмежеванномъ подъ гарнизонъ, но были встрѣчены гусарами и малороссійскими козаками и схвачены, вмѣстѣ съ ихъ волами.

Новосербцы злоупотребляли стѣсненнымъ и зависимымъ положеніемъ сосѣдей своихъ —слобожанъ. Послѣдніе жаловались, что новосербцы захватываютъ, безъ причины, или за мнимую потраву, ихъ скотъ, на снятомъ у нихъ пастбищѣ (№№ 12 и 14), что препятствуютъ имъ брать условленную долю сѣна, скошеннаго на нанятыхъ у нихъ лугахъ, при этомъ бьютъ ихъ, захватываютъ и сѣно, и скотъ, за который потомъ требуютъ выкупа, или, наконецъ, жгутъ въ степи возъ съ сѣномъ и со всѣмъ добромъ, какое на немъ есть (№№ 13 и 15). Особый поводъ къ столкновеніямъ подавали поѣздки слобожанъ въ Черный лѣсъ. Въ этихъ случаяхъ, замѣтно, новосербцами руководило желаніе воспользоваться принудительнымъ трудомъ рабочихъ рукъ, по недостатку ли послѣднихъ, или по нерасположенію своему къ земледѣльческому труду. Завидѣвъ на дорогѣ слобожанъ съ возами, новосербцы заворачивали ихъ къ себѣ въ шанцы и заставляли плѣнныхъ слобожанъ работать на себя, возить, напримѣръ, сѣно ихъ же волами; потомъ выпускали взявъ выкупъ. Такія распоряженія дѣлались ротными командирами (№№ 7 и 10).

Наконецъ, новосербцы являлись и на дачи, отведенныя слобожанамъ, непріятными для послѣднихъ гостями По словамъ слобожанъ, новосербцы захватывали у нихъ возы съ сѣномъ, накошеннымъ на дачахъ слободскаго полка, и увозили къ себѣ, вмѣстѣ съ людьми, при этомъ иногда пускали въ ходъ огнестрѣльное оружіе и убивали людей; являлись въ слободы для покупки хлѣба и, пользуясь случаемъ, угоняли обывательскій скотъ, стращая людей оружіемъ, и за скотъ потомъ брали выкупъ (№№ 8 и 12).

Вотъ, вѣроятно, тѣ «обиды» гусаръ, на которыя жаловались депутаты новокозачьяго полка въ Петербургѣ и о которыхъ говорится въ сенатскомъ указѣ 14 августа 1761 г. Видно по всему, что новокозачій слободской полкъ считался пасынкомъ мѣстной администраціей. Онъ и до сихъ поръ остается въ наукѣ, въ положеніи пасынка, скрываясь съ тѣни, отбрасываемой сербскими поселеніями, которыя на дѣлѣ имѣли для колонизаціи края меньше значенія, чѣмъ новослободское поселеніе.

Елисаветградъ
10 апрѣля 1888 года.

В. Ястребовъ.
Членъ-корреспондентъ Общества